

УДК 343.13

ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ КЛИМОВИЧ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного университета «МИТСО»

ЛИЧНОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ТЕОРИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проанализированы отдельные вопросы теории и практики нормативного регулирования применения меры пресечения в виде личного поручительства в уголовном процессе. Исследована проблематика отсутствия в законе права поручителей на отказ от исполнения взятых на себя обязательств в случае возникновения к этому объективных препятствий. Конкретизировано понятие «заслуживающие доверия лица». Обосновано предложение по отказу от ходатайства поручителей как необходимого условия анализируемой меры пресечения. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по дополнению и изменению уголовно-процессуального законодательства в целях совершенствования практики реализации личного поручительства в уголовном процессе.

Ключевые слова: личное поручительство, меры пресечения, уголовный процесс, ходатайство, уголовно-процессуальная ответственность.

YU. S. KLIMOVICH

PERSONAL SURETY IN CRIMINAL PROCEEDINGS: IMPROVEMENT OF INDIVIDUAL ASPECTS OF THEORY AND LEGAL REGULATION

This article analyzes specific theoretical and practical aspects of the regulatory application of personal surety as a preventive measure in criminal proceedings. The article examines the legal lack of guarantors' rights to refuse to fulfill their obligations if objective obstacles arise. It also defines the concept of «trustworthy persons» and substantiates the proposal to waive the guarantors' petition as a necessary condition for this preventive measure. Based on this analysis, proposals are formulated for supplementing and amending criminal procedure legislation to improve the practice of implementing personal surety in criminal proceedings.

Key words: personal surety, preventive measures, criminal proceedings, petition, criminal procedural liability.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь включает восемь мер пресечения, применяемых в отношении подозреваемых и обвиняемых лиц в ходе производства по уголовному делу. Каждая мера пресечения отличается по характеру, способам и степени принудительного воздействия, предоставляя органам, ведущим уголовный процесс, достаточно разнообразный арсенал средств для обеспечения надлежащего поведения преследуемых в уголовном порядке лиц. Вместе с тем практика правоприменения свидетельствует, что традиционно подписка о невыезде и надлежащем поведении, а также заключение под стражу остаются наиболее востребованными мерами пресечения. Первая — по причине простоты процессуального применения, вторая — из-за своей гарантированной результативности. Вместе с тем очевидные недостатки подобной практики требуют дальнейшего совершенствования более строгих, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении, но не связанных с лишением личной свободы мер пресечения. В связи с этим исследование теории и практики нормативного регулирования личного поручительства является перспективным направлением для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

По смыслу ч. 1 ст. 121 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК) личное поручительство заключается в принятии на себя заслуживающими доверия лицами письменного обязательства о том, что подозреваемый или обвиняемый, находясь на свободе, не скроются от органа уголовного преследования и суда, не будут препятствовать расследованию дела или рассмотрению его судом и не будут заниматься преступной деятельностью. Таким образом, эта мера пресечения зиждется на морально-нравственных качествах участников уголовного процесса, в ее основе находится доверие к поручителю. По этой причине орган, ведущий уголовный процесс, обязан предварительно удостовериться в личностных качествах поручителя. Для чего

необходимо проделать определенную аналитическую работу по сбору данных, характеризующих будущих поручителей. Например, истребовать удостоверяющие и характеризующие их личность документы (данные о привлечении к административной, уголовной ответственности, о наличии (отсутствии) психических и иных заболеваний; о наградах, поощрениях и т. д.), побеседовать лично с ними и их ближайшим окружением, работодателем и т. д.

В науке распространены мнения о необходимости конкретизировать на уровне закона требования к поручителям. Так, Н. А. Симагина видит проблему в том, что одним из основных критериев, определяющих основу личного поручительства, выступает доверие. По ее мнению, доверие — это оценочная и субъективная позиция [1, с. 413]. В схожем ключе относительно личности поручителя мыслит и А. Петров, предлагая дополнить процессуальный кодекс обязательными характеристиками поручителя: «Он должен быть совершеннолетним, дееспособным, обладать авторитетом для подозреваемого и при этом иметь возможность для исполнения обязанностей поручительства; иметь постоянное место жительства и доход; он не должен иметь какого-либо отношения к делу; не быть ограниченным в личной свободе» [2, с. 73]. Исходим из того, что как-либо точно конкретизировать понятие «заслуживающие доверия лица» применительно к поручителям, с одной стороны, нет необходимости, а с другой — это просто невозможно. Уголовно-процессуальный, равно как и любой другой закон не может обойтись без оценочных категорий, что придает ему определенную гибкость, позволяя субъектам правоприменения самостоятельно принимать наиболее оптимальные решения в складывающейся ситуации. Категория «доверие» действительно оценочная, пытаться ее конкретизировать — значит либо наполнить закон другими оценочными характеристиками для определения данного слова, либо сузить его значение через перечисление вполне точных, поддающихся учету свойств поручителя. Однако таким образом вообще теряется смысл присутствия данной конструкции в законе. Полагаем, не следует, совершенствуя процессуальный закон, одновременно превращать его в своего рода инструкцию. Это, как выразился по данному поводу А. В. Победин, превращает правоприменителя в обычного чиновника, способного действовать только по заданному алгоритму [3, с. 108]. При этом понятие «заслуживающие доверия лица», безусловно, может и должно быть прокомментировано в учебной и монографической литературе. Так, С. С. Чернова перечисляет свойства личности, которые могут внушать к ней доверие как к поручителю: добропорядочность, законопослушность, наличие постоянного места жительства, наличие легального источника дохода, высокие моральные и психологические качества. Не заслуживают, по ее мнению, доверия ранее судимые и привлекавшиеся к административной ответственности лица, не имеющие постоянного места жительства и рода занятий, несовершеннолетние, недееспособные [4, с. 47–48].

Представляется, что поручитель должен заслуживать доверие не только в смысле своей безупречной репутации, но и в плане своей реальной способности обеспечить выполнение обвиняемым своих обязанностей, что предполагает особый характер взаимоотношений между ним и поручителем. Как верно отметил А. В. Закомолдин, об этом могут свидетельствовать следующие данные: нахождение в родственной или иной социальной связи с подозреваемым (обвиняемым), например поручитель может быть его отцом, дядей, тестем, другом семьи и т. д.; нахождение в руководящем положении относительно подозреваемого (обвиняемого), основанном на трудовых или иных, построенных на авторитете отношениях, в частности поручитель может быть работодателем подозреваемого (обвиняемого) или руководителем подразделения, в котором тот работает; поручитель может быть преподавателем высшего учебного заведения, в котором обучается лицо, к которому применяется рассматриваемая мера пресечения, и т. д. [5, с. 11].

Следует согласиться с теми авторами, которые говорят, что поручитель должен быть дееспособным и совершеннолетним. Эти характеристики, конечно, не позволяют судить о степени доверия такому лицу, но устанавливают формальные ограничения на участие в уголовном процессе лиц, которые по физиологическим причинам не могут этого делать. Как известно, такие требования предъявляются к понятным и законным представителям, распространение их на поручителей сделает закон более последовательным.

УПК предусматривает, что личное поручительство применяется только при наличии в уголовном деле письменного ходатайства поручителей. По смыслу п. 50 ст. 6 и ст. 135 УПК ходатайство в уголовном процессе является просьбой участника уголовного процесса, обращенной к органу, ведущему уголовный процесс, о совершении процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, обеспечения прав и законных интересов лица, обратившегося с ходатайством, или представляемого им лица [6, с. 408]. То есть ходатайство — это инструмент, который участники уголовного процесса по своей инициативе используют, когда нуждаются в принятии определенных решений или совершении действий со стороны органа, ведущего уголовный процесс. В определенных ситуациях они могут обращаться и с просьбой о применении к обвиняемому конкретных мер пресечения, в том числе и личного поручительства. Однако в большинстве случаев меры пресечения реализуются

по инициативе органов, ведущих уголовный процесс, которые несут ответственность за обеспечение надлежащего хода производства по уголовному делу. В связи с чем возникает разумное сомнение в обоснованности требований закона о наличии ходатайства поручителей как обязательном условии применения анализируемой нами меры пресечения. Если обратить внимание на нормативное регулирование такой меры пресечения как залог, то можно увидеть, что закон не требует от залогодателя, которым не является привлекаемое к уголовной ответственности лицо, обязательного обращения с ходатайством. Фактически ходатайство в случае личного поручительства служит не более чем подтверждением согласия поручителей на их участие в применении данной меры пресечения. С учетом того что поручитель должен дать подписку и подтвердить факт своей осведомленности об ответственности за неисполнение взятых на себя обязательств, а также о сущности подозрения или обвинения того лица, в отношении которого он дает поручительство, считаем, нет никакой необходимости нормативно фиксировать ходатайство поручителей в качестве обязательного условия применения анализируемой меры пресечения. Достаточно в подписке указать, что поручитель выражает свое согласие на применение личного поручительства. Такое решение будет способствовать упрощению процессуальной формы и может быть реализовано применительно к другой мере пресечения — отдаче несовершеннолетнего под присмотр, где ходатайство также по своей сути носит формальный характер и в определенной степени усложняет уголовно-процессуальную коммуникацию.

Отдельные ученые, рассуждая о повышении эффективности личного поручительства, говорят о том, что этому мешает как отсутствие четкого регламента действий поручителя по обеспечению надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого), так и неурегулированность на уровне закона его собственного правового положения [7, с. 93–96]. С учетом этого высказываются предложения о необходимости «закрепить в УПК РФ права и обязанности поручителя, которые будут регламентировать его действия по отношению к обвиняемому (подозреваемому), обеспечивая комплексное и всестороннее исполнение меры пресечения в виде личного поручительства» [8, с. 144]. Некоторые исследователи прямо предлагают уполномочить поручителя на фактическое задержание подозреваемого (обвиняемого) в случае его умышленного уклонения от явки в органы расследования или суд [9, с. 14]. Указанные предложения, на первый взгляд, выглядят разумными. Действительно, в уголовно-процессуальном кодексе отсутствует информация, за счет каких средств и каким образом поручитель сможет воздействовать на поведение «подопечного» лица. По этой причине возникает невольный «соблазн» восполнить этот пробел. Однако прибегать к формализации в данном случае, как нам представляется, не стоит. Поручитель — не представитель государства, не орган, ведущий уголовный процесс. Наделять его какими-либо полномочиями принудительного характера — значит передавать право уголовно-процессуального принуждения от государства частному лицу, право привлечения к уголовно-процессуальной ответственности в случае неподчинения его законным требованиям. Очевидно, что для этого отсутствует необходимая процессуальная «инфраструктура», представить, как это будет реализовываться на практике, затруднительно. Невозможность применения принуждения поручителем в свое время отмечалась А. А. Лиеде [10, с. 96–97]. Межличностные отношения нельзя стандартизировать, поручитель может воздействовать на подозреваемого (обвиняемого) за счет личного авторитета и доверия. В каждом отдельном случае он будет использовать свои средства и методы для воздействия на обвиняемого (подозреваемого), формализация только повредит делу.

Другой вопрос: как поступать поручителю в случае невозможности исполнения им взятых на себя обязательств? Отдельные ученые полагают, что в уголовно-процессуальном законодательстве должна быть закреплена обязанность поручителей информировать органы, ведущие уголовный процесс, о ненадлежащем поведении обвиняемого. Такую точку зрения разделяет, например, Т. А. Савчук, называя недостатком законодательной конструкции ст. 121 УПК Республики Беларусь отсутствие норм, закрепляющих право поручителя отказаться от принятых на себя обязательств [11]. Автор ссылается на прогрессивные в данном контексте положения уголовно-процессуального законодательства ряда стран СНГ, предусматривающие такой отказ. Например, ч. 4 ст. 142 УПК Казахстана допускает отказ поручителя от своей функции в любой момент производства по уголовному делу и обязанность органа, ведущего уголовный процесс, в течение 48 часов рассмотреть вопрос об избрании обвиняемому иной меры пресечения. УПК Узбекистана (ст. 251) также предусматривает возможность отказа поручителей от выполнения своих обязанностей, но не позднее появления оснований, влекущих их ответственность.

Со своей стороны, безусловно, поддерживаем подход о наделении поручителей правом на отказ от исполнения взятых на себя обязательств. Для прекращения своего участия в уголовном процессе поручитель не обязан ждать, пока обвиняемый предпримет действия, для предупреждения которых была избрана мера пресечения. Достаточно утраты доверия и высокой вероятности ненадлежащего поведения. Личные взаимоотношения всегда находятся в динамике, не исключено, что с течением времени между обвиняемым и поручителем они могут существенно измениться, последний может утратить свой авторитет и влияние на обвиняемого. Состояние

здоровья, другие личные обстоятельства могут существенно сказаться на возможности поручителя исполнять свою функцию в уголовном процессе. Исходим из того, что логика обстоятельств влияет на логику намерений. В связи с этим считаем необходимым дополнить уголовно-процессуальный закон правом личного поручителя на отказ от взятых на себя обязательств. При этом мы не видим необходимости как-либо конкретизировать и фиксировать в законе основания для принятия данного решения. Во-первых, это невозможно, во-вторых, считаем, что поручитель как частное лицо должен иметь широкие диспозитивные права на отказ от участия в уголовном процессе. Однако важно отметить, что отказ от поручительства следует разрешать не позднее момента возникновения оснований, влекущих ответственность поручителя. В противном случае это снизит эффективность анализируемой меры пресечения.

Выводы

1. В настоящее время нормативное регулирование меры пресечения в виде личного поручительства предполагает, что поручители должны заслуживать доверие (ч. 1 ст. 121 УПК). Как-либо нормативно конкретизировать оценочное понятие «заслуживающие доверие лица» невозможно, и в этом нет практической необходимости. Однако УПК должен быть дополнен указанием на то, что поручители должны быть совершеннолетними и дееспособными, а также обладать реальной возможностью исполнения взятых на себя обязательств относительно обвиняемого. Данное предложение позволит правоприменителю лучше ориентироваться в выборе поручителей и таким образом повысит эффективность анализируемой меры пресечения. С целью реализации изложенного выше предлагаем второе предложение ч. 1 ст. 121 УПК изложить в следующей редакции: *«Поручители должны быть совершеннолетними, дееспособными лицами, обладающими реальной возможностью исполнения взятых на себя обязательств в отношении обвиняемого. Их число должно быть не менее двух»*.

2. Представляется, что необходимо исключить из закона указание на письменное ходатайство поручителей как обязательное условие реализации личного поручительства. Данное требование носит формальный характер и не отвечает реальным отношениям в процессе применения указанной меры пресечения. Личное поручительство, как и другие меры пресечения, применяется по решению органа, ведущего уголовный процесс. Фактически ходатайство служит не более чем подтверждением согласия поручителей на их участие в применении меры пресечения и может быть выражено при отображении их подписи, где им разъясняется сущность подозрения или обвинения, а также ответственность за неисполнение взятых на себя обязательств. Такое решение будет способствовать упрощению процессуальной формы и повышению эффективности применения данной меры пресечения. Для реализации указанного предложения предлагаем ч. 2 ст. 121 УПК изложить в следующей редакции: *«Применение в качестве меры пресечения личного поручительства допустимо с согласия поручителей и лица, в отношении которого дается поручительство»*. Часть 3 ст. 121 УПК изложить в следующей редакции: *«Каждый поручитель дает подписку о личном поручестве, в которой он выражает согласие на свое участие в применении меры пресечения и подтверждает, что ему разъяснены сущность подозрения или обвинения лица, в отношении которого он дает поручительство, а также ответственность поручителя»*.

3. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не усматривает ситуации, в которой поручитель, принявший на себя обязательство обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого, мог бы отказаться от выполнения своей функции. Вместе с тем очевидно, что обстоятельства могут быть сильнее его изначальных намерений. Поручитель может попасть в трудную жизненную ситуацию и, как следствие, утратить возможность влияния на поведение обвиняемого. Для исправления ситуации предлагаем дополнить ст. 121 УПК частью 3¹ следующего содержания: *«Поручитель в любой момент производства по уголовному делу, но до появления оснований, влекущих его ответственность, вправе отказаться от исполнения взятых на себя обязательств»*.

Список использованных источников

1. Симагина, Н. А. Личное поручительство как мера пресечения в уголовном процессе / Н. А. Симагина // Актуальные проблемы публичного права : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., Владимир, 23–24 мая 2019 г. ; редкол.: О. Н. Дядькин (пред.) [и др.] — Владимир, 2020. — Вып. 10. — С. 412–415.
2. Петров, А. Особенности применения меры пресечения в виде личного поручительства в соответствии с уголовным процессуальным законодательством Украины и некоторых постсоциалистических стран / А. Петров // *Legia si viata*. — 2015. — № 5/2. — С. 71–74.
3. Победкин, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция / А. В. Победкин // Библиотека криминалиста. — 2017. — № 3. — С. 101–111.
4. Чернова, С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения : учеб.-практ. пособие / С. С. Чернова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 200 с.
5. Закомолдин, А. В. Проблемы применения личного поручительства в уголовном процессе России / А. В. Закомолдин // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2018. — № 4 (35). — С. 10–14.

6. Климович, Ю. С. Ходатайства и жалобы в уголовном процессе / Ю. С. Климович // Уголовный процесс. Общая часть : учебник / Ю. С. Климович. — Мн., 2012. — С. 407–429.
7. Ревина, И. В. Соотношение правового и нравственного регулирования уголовно-процессуальной деятельности / И. В. Ревина // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2012. — № 5 (44). — Ч. 1. — С. 93–96.
8. Коновалова, М. А. Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства о применении личного поручительства / М. А. Коновалова // Публичное и частное право. — 2017. — № 2 (34). — С. 139–149.
9. Баландюк, О. В. О правовом положении поручителя в уголовном судопроизводстве / О. В. Баландюк // Российский следователь. — 2014. — № 13. — С. 11–14.
10. Лиеде, А. А. Общественное поручительство в уголовном судопроизводстве / А. А. Лиеде. — Рига, 1963. — 342 с.
11. Савчук, Т. А. Личное поручительство: история, современное состояние и тенденции совершенствования уголовно-процессуального законодательства / Т. А. Савчук // Научный репозиторий Могилевского института МВД Республики Беларусь. — С. 126–134. — URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/801/1/20170608090649_savchuk.pdf (дата обращения: 18.10.2024).

10.04.2026